

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПРИЗРЕНИЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на материалах Тамбовской епархии)¹

Катарина КУХЕР¹), Павел Петрович ЩЕРБИНИН²), Юлия Вячеславовна ЩЕРБИНИНА²)

¹) Университет Эберхарда и Карла
72074, Федеративная Республика Германия, г. Тюбинген, Вильгельмштрассе, 36
E-mail: katharina.kucher@uni-tuebingen.de

²) ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Аннотация. Комплексно и системно изучена практика социальной защиты детей-сирот в Тамбовской губернии XIX – начала XX века сквозь призму православной благотворительности и монастырского призрения. На основе широкого комплекса первичных материалов, прежде всего, периодической печати, были репрезентативно исследованы различные малоизвестные аспекты заявленной научной проблемы. Обобщен отечественный опыт изучения системы благотворительных инициатив православного духовенства в провинциальной России, которая имела существенные отличия от столичных реалий. Выявлена особенность организации призрения детей-сирот духовного сословия на региональном и уездном уровнях, что позволяет оценить реалии социальной защиты в Тамбовской епархии рассматриваемого хронологического периода. Уточнены возможности монастырского призрения и его значение в контексте благотворительной деятельности. Специально рассмотрены правила призрения детей-сирот при монастырях в мирные годы и в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг. Выявлены основные мотивы и побудительные меры благотворительной деятельности крупных региональных монастырей, что отражало общие тенденции в развитии провинциального социума в Российской империи рассматриваемого периода. Сделаны выводы о результатах и опыте, традициях и особенностях деятельности приходских попечительств по поддержке детей-сирот на уровне губернии и уезда, что позволило успешно реконструировать данную часть системы социальной защиты дореволюционной России. Обращено внимание на важность учета региональной специфики и конкретно-исторических проявлений благотворительной поддержки православного духовенства, а также оценки социокультурных и этноконфессиональных позиций регионального социума. Уточнено влияние практики призрения девочек-сирот в монастырских приютах в период воспитания и обучения, а также последующей социализации. Доказано, что православное духовенство очень редко проявляло собственную инициативу по призрению детей-сирот в регионе, но распоряжения епархиального начальства определяли идеологию и практику провинциальной благотворительности сквозь призму духовных скреп и ценностей милосердия.

Ключевые слова: монастырские приюты; дети-сироты; призрение детей; социальная защита; благотворительные учреждения; региональная благотворительность; провинциальный социум

Православная церковь занимала особое место среди социальных институтов Российской империи, занимавшихся благотворительностью. Трансляция идей милосердия, человеколюбия и отзывчивости были неразрывно связаны с православными ценностями и духовными скрепами Российского государства. Однако детализация и точечное изучение благотворительных инициатив православного духовенства и монастырской братии по призрению особо нуждающихся в

поддержке детей-сирот показывают неоднозначные результаты.

В целом благотворительная деятельность в епархиях Российской империи изучалась как проявление заботы и милосердия, в том числе в военные годы [1]. По мнению Е.Ю. Апкаримовой, феномен церковно-приходской благотворительности изучен явно недостаточно [2, с. 279]. Даже в фундированном исследовании Г.Н. Ульяновой, посвященном благотворительности в Российской империи, речь идет лишь о церковноприходских попечительствах в регионах [3]. В монографии А.Р. Соколова указывается, что приходская благотворительность была подчинена общему ходу социально-политического развития

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ДФГ (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG-Geschäftszeichen KU 1348/2-1 (Internationale Kooperationsanbahnung)).

общества. Еще со времен Петра I на монастыри была наложена важная локальная задача призрения увечных воинов [4, с. 515]. По сути, церковная благотворительность в Синодальный период развития православия в Российской империи должна была полностью подчиняться предписаниям из столицы и реализовывать возникающие задачи государственной социальной политики. Это все отражалось и на собственно церковном понимании приоритетов социальной работы и православного милосердия.

Особенно старательным и четким было выполнение приказов по церковному ведомству в провинциальных епархиях. Воля архиепископа здесь выполнялась неукоснительно, и епархиальные пастыри обязывались докладывать о реализации предписаний духовных консисторий.

Заметим, что наиболее многочисленными среди православных сообществ были церковно-приходские попечительства, которые создавались на основании Положения о приходских попечительствах при православных церквях от 2 августа 1864 г. Источниками денежных материальных пожертвований являлись добровольные пожертвования от прихожан и посторонних лиц. Эффективность таких попечительств значительно возрастала в периоды войн, эпидемий, голодовок и других экстремальных ситуаций, когда необходимо было консолидировать средства и усилия по наиболее важным направлениям социальной деятельности.

Надо признать, что и само приходское духовенство имело мало возможностей в обеспечении даже детей-сирот духовного звания. На эту серьезную проблему социального призрения в 1870 г. указал на страницах «Тамбовских епархиальных ведомостей» священник села Чамлык Усманского уезда Алексей Вадковский. По его мнению, духовенство, в особенности вдовы и сироты, доходило до нищенского состояния. После смерти своих мужей и отцов положение членов семей священников было даже хуже, чем у нищих, которые могли «под окнами испрашивать себе пропитание». Жены и дети священников фактически оказывались после смерти их «кормильца» совершенно лишенными доходов, не имели средств к существованию [5].

Примечательно, что в регионах Российской империи существовали и успешно реализовывались возможности церковной (монастырской) благотворительности, в частности, приюты для девочек-сирот при женских монастырях. Особенности этих приютов на всем протяжении их существования были в том, что они предназначались, прежде всего, для сирот из духовного ведомства, но постепенно туда стали принимать и девочек из других сословий. Учитывая, что это была нередко едва ли не единственная возможность получения девочками-сиротами образования и перспектив трудоустройства, важно понимать значение этих заведений в провинциальном социуме. Вполне очевидным являлось и желание монастырского начальства помочь, прежде всего, сиротам из духовного ведомства, которые часто были полностью лишены какой-либо другой поддержки и участия.

Первое училище для девочек-сирот в Тамбовской губернии было открыто при Кадомском женском монастыре в марте 1869 г. Там проходили обучение на полном монастырском содержании 30 девочек, из которых 12 были духовного звания, в том числе 6 сирот, две из дворян, а остальные из купеческого и мещанского сословий [6, с. 909].

В 1870 г. при Тамбовском Вознесенском женском монастыре при заведывании настоятельницы был основан приют для девочек. Он содержался полностью на средства монастыря, и тратилось на обучение, воспитание и питание воспитанниц более 1000 руб. в год. Помещался приют в деревянном двухэтажном монастырском здании. В 1878 г. в приюте жили 19 девочек-сирот от 7 до 17 лет.

Решение о приеме детей в приют всегда принимало епархиальное начальство, отдавая предпочтение детям-сиротам из духовного звания. Круглые сироты имели преимущество перед другими, имеющими мать или родственников, которые могли их воспитывать. Сироты священнослужителей имели преимущество перед сиротами церковнослужителей. Дети, которые имели отцов, могли быть приняты только тогда, когда не было кандидаток из сирот.

По предписаниям монастырского начальства девочки должны были быть «здорового телосложения, способны, благонравны и без телесных недостатков». Содержание вос-

питанниц в училищах-приютах должно было быть простое, чтобы «отнюдь не развивало в них изнеженности и потребностей, несовместимых с будущим их назначением» [6, с. 913]. Весьма примечательно, что в женские монастыри принимались дети строго по гендерной программе – только девочки. О призрении мальчиков-сирот речь не шла даже в мужских монастырях. Здесь были очевидными гендерный стереотип и перекося в призрении детей-сирот и нуждающихся в поддержке детей в императорской России.

На основании указа Святейшего синода в приют должны приниматься дети от 9 до 12 лет и проходить шестилетний курс обучения².

Отчетов и сведений об этом и других сиротско-воспитательных учреждениях при монастырях в официальных статистических выпусках Тамбовской губернии не публиковалось. Все данные поступали напрямую в духовную консисторию и частично размещались в обзорах о заведениях лишь в «Тамбовских епархиальных ведомостях». Это было одно из самых значительных отличий по обнародованию данных о благотворительной деятельности в регионе.

Важно понять, что же послужило причиной и поводом для возникновения таких училищ-приютов для девочек при женских монастырях. Образовывались они по инициативе настоятельниц, либо при мощных пожертвованиях прихожан или меценатов, либо по распоряжению архипастыря?

Ответ надо искать в особенностях российского вертикального управления «всеми и всегда», в том числе церковной благотворительностью. Удивительно, но авторы многочисленных работ по истории православной церкви с умилением и восторгом описывают милосердие и духовность церковнослужителей и обителей [7]. Но тогда почему в Тамбовской губернии, где всегда было много монастырей и пустыней, куда обильно стекались верующие со всей страны, желая посетить святые места – Саровскую пустынь, мощи Питирима и пр., никто из священнослужителей не задумывался о важности призрения детей-сирот или вообще детей из бедных семей?

² Приют для девочек в Тамбовском женском монастыре // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов, 1879. С. 127-128.

Очевидно, что необходима была санкция сверху, которая бы дала основание для проявления «милосердия и человеколюбия». Или случай, который бы вызвал заинтересованность императора, а затем Святейшего синода. В этом контексте вполне уместно применить современный термин о «ручном управлении государством», то есть личное вмешательство государя способно «включить импульсы милосердия и духовного участия» в судьбах детей-сирот.

В Российской империи именно так и развивалась история с возникновением приютов в женских монастырях для девочек-сирот. Все началось со знакомства императора Александра II с всеподданнейшим отчетом могилевского губернатора за 1866 г., в котором тот указывал, что на всю Могилевскую губернию существует лишь одно Буйницкое училище для девочек духовного звания. Губернатор отмечал, что было бы полезным открыть для девочек, преимущественно духовного звания, училища-приюты при женских монастырях, «из которых они бы выходили умственно и нравственно развитыми и привыкшими к труду» [6, с. 905]. На губернаторском отчете появилась отметка: «обратить на это внимание обер-прокурора Св. синода». Синод в указе могилевскому архиепископу поручил ему «...предложить женским монастырям вверенной ему епархии озаботиться принятием мер к осуществлению предположения об устройстве при них учебных заведений для девочек, преимущественно духовного звания, и других благотворительных учреждений, если представится к тому возможность по имеющимся в монастырях средствах» [6, с. 906]. Независимо от этого, там же определением Святейшего синода было постановлено циркулярным указом на имя епархиальных преосвященных «предложить женским монастырям и всех прочих епархий об исполнении, по возможности, того же означенного предположения».

Тамбовская духовная консистория после получения указа Святейшего синода и по резолюции архиепископа Феодосия немедленно разослала предписания по всем женским монастырям и общинам относительно устройства при них училищ для девочек. Интересно, что на это предписание настоятельницы монастырей, высказывая в общем свое полное сочувствие, в рапортах в консисторию

дали различные ответы: одни – утвердительные, другие – полуутвердительные (откладывая открытие училищ до благоприятного времени), третьи – отрицательные, ссылаясь на полнейший недостаток монастырских средств. Так, игуменья Тамбовского Вознесенского монастыря согласилась открыть училище, но не более чем на 10 девочек. Точно так же настоятельница Серафимов-Дивеевского монастыря сообщала, что «вверенная ее попечению обитель, не имея никакого верного обеспечения, может принять на свое содержание и воспитание не более пяти девочек, преимущественно». Настоятельница ссылаясь и на то, что обитель призревала и призывает сирот и престарелых девиц, которые составляют до четверти всей монастырской общины.

Настоятельница Оржевской Боголюбской Тишиновской общины заявила о готовности принять на содержание монастыря до 10 девочек разных сословий, а также дополнительно дать возможность учиться в монастырском училище приходящим девочкам. Ее поддержала и настоятельница Тамбовского Сухотинского монастыря, изъявив согласие открыть монастырское училище на 7 девочек [6, с. 907].

Настоятельницы же Усманского Софийского, Кирсановского Тихвино-Богородицкого и Лебедянского Сезеновского Иоанно-Казанского монастырей сообщили, что не могут немедленно открыть училища при монастырях, так как не имеют готовых зданий и испытывают недостаток наличных средств. Настоятельница Темниковского Рождества Богородицы монастыря вообще наотрез отказалась от открытия училища для девочек, ссылаясь на скудные средства монастыря, отсутствие всякого пособия от казны. Так же о полной невозможности открыть училище заявила и настоятельница Козловской Боголюбовской общины.

Тамбовская духовная консистория, рассмотрев рапорты настоятельниц женских монастырей, приняла решение о шестилетнем курсе воспитания девиц-сирот, которые должны были поступать в училище в возрасте от 10 до 12 лет. Преподавание образовательных предметов было возложено на священнослужителей, состоящих при женских монастырях, и не должно было быть менее двух часов в день.

Программа обучения была единой для всех училищ для девочек-сирот при женских монастырях Тамбовской епархии и включала в себя:

- 1) Закон Божий: катехизис, священную историю, краткое учение о богослужении православной церкви с объяснением литургии;
- 2) русский язык и церковно-славянские языки;
- 3) арифметику до тройного правила включительно;
- 4) географию;
- 5) краткую гражданскую историю и особенно русскую;
- 6) чистописание и рисование;
- 7) церковное пение;
- 8) рукоделие;
- 9) приучение девиц к домоводству³.

Обучение рукоделию, домашнему хозяйству в удобное и свободное для воспитанниц время предоставлялось монахиням или послушницам по выбору настоятельниц. В конце года настоятельница должна была подавать рапорт епархиальному начальству о состоянии училища, список воспитанниц с данными об успехах и поведении.

После окончания училищ девочки могли поступать в епархиальное женское училище, но большинство предпочитало возвращаться к родственникам.

В 1870 г., учитывая приказ и жесткое предписание архиерея, училища-приюты для девочек-сирот были открыты во всех женских монастырях Тамбовской епархии за исключением Темниковского Богородичного монастыря.

Весьма примечательной является попытка «легализовать» практику обучения при монастырях. В течение четырех лет (1871–1875 гг.) выпускницы сиротских училищ при монастырях получали не просто свидетельства об окончании обучения, а удостоверения за подписью игуменьи, законоучителя и воспитательницы о том, что такая-то ученица закончила курс училища при таком-то монастыре по программе народных школ. Это позволяло выпускницам преподавать потом в сельских школах и иметь средства к существованию. Но все закончилось из-за вполне

³ Приют для девочек в Тамбовском женском монастыре // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов, 1879. С. 128.

типичных бюрократических уточнений статуса этого образования. В 1879 г. директор народных училищ по Тамбовской губернии предложил для контроля и инспекции над монастырскими училищами подчинить их ему. На что последовал отказ министра народного просвещения графа Д.А. Толстого и удостоверения выпускникам выдавать перестали, ограничиваясь только справкой об окончании училища [6, с. 915-916]. Но самое главное – содержание девочек-сирот на полном монастырском обеспечении позволяло им выживать, взрослеть и получать образование и определенные жизненные перспективы.

В 1877 г. настоятельницы докладывали в духовную консисторию об успехах в обучении девочек. Всего по всем монастырям обучались 145 девочек не только духовного звания, но и светские [6, с. 914]. В 1881 г. обучение проходили при полном монастырском содержании уже 176 девочек-сирот.

В монастырские училища стали направлять девочек-сирот и органы местного самоуправления. В Тамбовском Вознесенском монастыре обучались 15 девочек, определенных епархиальным начальством, и 3 девочки-сироты по направлению Тамбовского земства. В Тамбовском Сухотинском монастыре было 20 воспитанниц. При Тулиновском Софийском монастыре, преобразованном из общины только в 1880 г., находилось 11 воспитанниц. При Кадомском Милостливо-Богородицком монастыре находилось 14 воспитанниц, из которых 8 духовного звания на полном монастырском содержании и 6 вольноприходящих. При Кирсановском Тихвино-Богородицком монастыре содержались 8 сирот-воспитанниц духовного звания возрастом от 9 до 14 лет. При Козловском Боголюбском женском монастыре обучались 36 воспитанниц, из них 14 сирот духовного звания на полном монастырском содержании, других сословий – 22. При Лебедянском Иоанно-Казанском монастыре было 17 воспитанниц. В Лебедянском Троекуровском Илларионовском монастыре находилось 26 девиц, из которых 18 духовного звания и 8 светского, в том числе одна дворянка, дочь инвалидного офицера, одна – солдатская дочь, две мещанского сословия и три крестьянки. Возраст воспитанниц следующий: одна – 20 лет, две – 19, одна – 18, одна – 16, одна – 15,

одна – 14, три по 13 лет, семь по 12 лет, две по 10 лет, пять по 9 лет, одна 8 лет и одна 4 года [6, с. 918].

Вполне очевидно, что со временем монастырские училища стали принимать все больше сирот не только духовного звания, но сложности в обучении возникали лишь из-за разницы в возрасте воспитанниц. Все же монастырское призрение сирот серьезно отличалось от возможностей призрения детей в других благотворительных заведениях, где стал господствовать принцип всесословности. Демократические преобразования и инициативы гражданского общества не могли серьезно пробить стену традиционализма и косности религиозных структур.

Заметим, что традиция призрения детей-сирот сохранялась и при открытии новых монастырей в Тамбовской епархии. Так, в 70-х гг. XIX века в селе Тулиновка Тамбовского уезда был основан женский Софийский монастырь в память о младшей дочери Я.М. Тулинова Софье, умершей в раннем возрасте от чахотки. В 1876 г. при Софийском монастыре был открыт сиротский приют для девочек.

Не отставали от монастырей в открытии училищ для девочек-сирот и некоторые приходские попечительства. В Тамбовской губернии одним из самых крупных и деятельных попечительств считалось Усманское Космодемьяновской церкви в г. Липецк. Созданное в 1872 г., оно уже через три года содержало богадельню на 10 человек и женскую школу (12 учениц жили при богадельне, 28 были приходскими). Девочек (сирот и дочерей бедных прихожан) учили ремеслам, затем подыскивали им места кухарок и горничных [4, с. 521].

Заметим, что все же приходская благотворительность в целом была зарегламентирована, чему способствовали традиции внутрицерковной жизни и усиленное государственное регулирование. В конце XIX века в Тамбовской губернии было 986 попечительств на 1071 приход, однако, почти все средства, собранные попечительствами, направлялись на обновление церквей и другие церковные нужды, но не сиротское призрение или другие формы благотворительности. Таким образом, несмотря на то, что в Тамбовской епархии приходские попечительства были созданы в 92 % приходов, аккумуляиро-

вали из пожертвований 439,3 тыс. руб., на поддержание причта расходовалось лишь около 6 % средств [3, с. 228].

«Тамбовские епархиальные ведомости» сообщали, что в 1892 г. при всех женских монастырях в Тамбовской епархии имелись приюты-школы для девочек-сирот, в которых они воспитывались на полном монастырском содержании до совершеннолетия. Всего в монастырях содержались 119 девочек.

В кризисные ситуации, к которым можно отнести голод 1891 г., инициатива призрения детей-сирот приходила и из самих монастырей. Настоятельница Кирсановского Тихвино-Богородицкого женского монастыря игуменья Серафима рапортом от 12 февраля 1892 г. докладывала, что по случаю голода на полное монастырское содержание принято 25 круглых детей-сирот девочек в возрасте от 7 до 14 лет⁴. Тамбовский архипастырь поддержал эту инициативу и предложил по случаю голода и неурожая принять на призрение сирот и в другие православные обители. Было рекомендовано, что еще 30 девочек-сирот примут дополнительно Тамбовский, Сухотинский, Козловский Боголюбский, Кирсановский Оржевский, Кирсановский Тихвинский, Усманский Софийский, Лебедянский Троекуровский, Темниковский и Кадомский монастыри⁵. Эти сироты были приняты на полное монастырское содержание, как и жившие уже в монастырях 116 детей-сирот.

В Тамбовской епархии в 1891 г. был создан епархиальный комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. Закупалось зерно и отправлялось в наиболее нуждающиеся уезды Тамбовской губернии. Более того, именно Тамбовский и Шацкий епископ Иероним в ноябре 1891 г. предложил открыть губернскому комитету по оказанию помощи голодающим совместно с епархиальным комитетом бесплатный приют для 100 крестьянских детей, не имеющих крова и пропитания. Члены комитета стали искать в Тамбове крупные свободные дома, но нашли только один на 50 человек. Второй приют еще на 50 детей решили создать в го-

роде Кадом, куда бы могли поступать дети из северных уездов Тамбовской губернии⁶. Таким образом, в Тамбовской губернии были открыты приюты для сирот только в губернском городе Тамбове и уездном городе Кадом⁷.

Епархиальное начальство отреагировало наконец и на постоянный поток просьб о поддержке осиротевших семей священников. В 1897 г. епископ Тамбовский и Шацкий Иероним утвердил «Правила для попечительских советов о бедных и сиротах духовного звания», по которым Тамбовская епархия была разделена на особые округа, совпадающие с благочинными округами. Попечительства должны были изыскивать средства для помощи бедным духовного звания, способствовать справедливому распределению средств призрения. Попечительные советы состояли из благочинного, его помощника и духовника. Источниками могли быть: 1) добровольные пожертвования; 2) процентные обложения и сборы; 3) предоставление бедствующим лицам женского пола просфорнических должностей; 4) кружечные сборы по всем приходским церквам и пр.⁸

Организованное Тамбовское епархиальное попечительство о вдовах и сиротах духовного звания старалось поддерживать несчастных сирот духовного звания, но средств не хватало. К тому же росло и число лиц, нуждающихся в пенсии. Если в 1903 г. их было 354, то к 1909 г. число нуждающихся почти утроилось, и поддержка необходима была уже 693 сиротам и вдовам. С 1906 по 1910 г. пенсии выплачивались в размере 50 % без всякой дальнейшей компенсации⁹. Это вызывало заметный ропот, возмущение и недовольство духовных лиц. Однако ситуация не менялась.

Тамбовское православное духовенство оказывало помощь детям-сиротам и в военные годы XX века. Так, свою лепту в оказание помощи семьям запасных солдат, призванных на Русско-японскую войну 1904–1905 гг., пыталась внести православная цер-

⁶ Тамбовские епархиальные ведомости. 1892. № 3. С. 114.

⁷ Тамбовские епархиальные ведомости. 1892. № 1. С. 27.

⁸ Тамбовские епархиальные ведомости. 1897. № 9. С. 159-165.

⁹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 9. С. 116-117.

⁴ Примерно-полезная благотворительность монастыря // Тамбовские епархиальные ведомости. 1992. № 5. С. 184-185.

⁵ Тамбовские епархиальные ведомости. 1892. № 1. С. 109.

ковь в лице приходского духовенства. Именно сельские священники являлись главными информаторами населения об указах правительства, разъясняли правила призрения семей призванных на войну нижних чинов, организовывали сбор пожертвований для помощи семьям призванных. Однако подъем молитвенных настроений в обществе не был длительным. Как только с театра военных действий стали приходиться неутешительные известия о поражениях и неудачах в противостоянии «желтолицым варварам», ухудшались повседневные реалии жизни в провинции, среди россиян и россиянок стали заметны падение духа, снижение интереса к происходящему на войне, сокращение посещения храмов [8, с. 199]. Тамбовский епископ Иннокентий в сентябре 1904 г. признал на проповеди, что «в обществе замечается как бы охлаждение, ослабление любви к нашим отцам и братьям, проливающим кровь за славу и честь Родины. Это охлаждение проявляется как в ослаблении молитвы – публика уходит из храма по окончании литургии, когда начинается установленное Синодом молебное пение о даровании победы, – так и в уменьшении притока пожертвований на нужды войны, на помощь больным и раненым воинам»¹⁰. В силу этих обстоятельств реальная помощь православной церкви детям из семей призванных на войну солдат была минимальной и не влияла серьезно на возможности социальной защиты детей-сирот в Тамбовской губернии.

Участие тамбовского духовенства в оказании помощи детям-сиротам военной поры не являлось специальной акцией и не было особым направлением в сборе пожертвований, а шло в контексте поддержки общероссийских инициатив Святейшего синода и епархиального начальства.

После начала Первой мировой войны уже 4 августа 1914 г. архиепископ Кирилл «сделал предложение», от которого никто из священников не отказался, об обязательном двухпроцентном ежемесячном отчислении со своих доходов и содержания для помощи государству: «...Предлагаю служащим во всех учреждениях Епархиального Ведомства, а также им всему духовенству епархии начать посильное для каждого ежемесячное отчисление из получаемого содержания на

¹⁰ Тамбовские губернские ведомости. 1904. 28 сент.

нужды военного времени. Все отчисления должны доставляться ежемесячно в Консисторию, которая будет мне о том докладывать особою ведомостью. Со своей стороны, начиная с августа месяца буду вносить на это дело из получаемых мною ста двадцати пяти рублей казенного жалования пятую часть, то есть 25 руб. ежемесячно»¹¹.

Подобное следование инструкциям из центра продолжалось и в последующие годы войны. К примеру, в 1915 г. последовало распоряжение Синода о производстве во всех церквях на 3-й неделе поста (с 15 по 21 февраля 1915 г.) кружечного сбора пожертвований в пользу детей воинов, павших на поле брани¹².

Участие тамбовского духовенства было весьма успешным в деятельности попечительских советов, которые наиболее точно представляли потребности и нуждаемость осиротевших солдатских семей. Нередко именно приходские «батюшки» были организаторами таких попечительств. За 1915 г. «попечительными советами» Тамбовской губернии в пользу семейств призванных в войска было собрано – 58574 руб. 98 коп., которые позволили оказывать денежную помощь в течение года ежемесячно от 800 до 5000 семейств.

Представители духовенства участвовали в сборе средств для общероссийских «императорских комитетов». Так, для «Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны Комитета», оказывающего помощь семьям лиц, взятых в войска, через духовную консисторию тамбовским духовенством в 1915 г. было отправлено 7382 руб. 25 коп. деньгами и на 3000 руб. вещей.

В приходах активно открывались совершенно новые для тамбовской деревни учреждения – детские приюты-ясли. В 1915 г. такие ясли были учреждены и действовали в 55 приходах епархии, в которых содержались дети обоих полов в возрасте от 1 до 8 лет. Всего 2113 человек, причем израсходовано было на содержание «яслей» деньгами, не

¹¹ Духовенство Тамбовской епархии и война // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. 30 янв. С. 125-126.

¹² Тамбовский край. 1915. 21 янв.

считая пожертвований продуктами, 3454 руб. 73 коп.¹³

Необходимо учитывать, что фактически таких приютов-яслей было гораздо больше и чаще всего они стихийно устраивались самими жителями деревень для матерей, которым необходимо идти в поле, у которых не имелось кому поручить надзор и уход за детьми в своем доме. Их дом запирали те, кто и принимал их детей под свой надзор и попечение.

В период Первой мировой войны 1914–1917 гг. наконец включились в заботу о детях и тамбовские мужские монастыри, которые начали призывать детей-сирот из солдатских семей. В Моршанском Казанском мужском монастыре и Козловско-Терской общине были открыты приюты для 113 детей, осиротевших после гибели их отцов на войне [9, с. 983].

Женские монастыри Тамбовской епархии тоже отреагировали на волю Святейшего синода, и с января 1915 г. были открыты приюты для детей, отцы которых погибли на фронте: при Тамбовском Сухотинском – на 10 человек, Тамбовском Тулиновском – на 11 человек, Козловском-Боголюбском – 5, Козловском Ахтырском – 10, Кирсаново-Оржевском – 10, Кирсаново-Тихвинском – 10, Темниковском Рождество-Богородицком – 10, Кадомском Милостливо-Богородицком – 5, Лебедянском Сезеновском – 10, Лебедянском Троекуровском – 10, Усманском Софийском – 10, Шацком Черниевом – 3, Спасском Казанском – 4, Моршанской общине Всемилоствого Спаса – 3 человека.

В августе 1915 г. Святейший синод поручил епархиальным архиереям учредить особые епархиальные комитеты по оказанию помощи беженцам. Тамбовский и Шацкий архиепископ Кирилл предложил открыть губернский епархиальный комитет, а в уездных городах губернии уездные комитеты, а также на больших железнодорожных станциях (Грязи, Сасово, Уварово, Мучкап, Токаревка, Мордово, Земетчино, Торбеево, Богоявленск, Платоновка, Сосновка, Инжавино, Старо-Юрьево) отделения комитета¹⁴. 1 октября 1915 г. был устроен специальный сбор по-

жертвований в церквях Тамбовской епархии. В епархии были выделены свободные помещения для проживания более 300 беженцев.

Подводя итоги церковной благотворительности в отношении поддержки детей-сирот в Тамбовской губернии можно сделать следующие выводы.

1. Тамбовское православное духовенство сформировало особую полузакрытую словную систему призрения девочек-сирот в монастырских училищах. Постепенно туда могли поступать и призряться и представительницы других сословий Российской империи, но предпочтение набора сирот из духовного сословия оставалось главным принципом этих типов образовательно-воспитательных заведений.

2. Гендерная диспропорция призрения детей-сирот учебно-воспитательными учреждениями Тамбовской епархии сохранялась практически до закрытия этих училищ, но «мужские» приюты духовенством не считались приоритетными и не пользовались специальными преференциями.

3. Сохранялась жесткая иерархичность и подчиненность центру по вертикали при сборе пожертвований или при поддержке учебных заведений для детей-сирот. Команда сверху (Синодальный указ или распоряжение архиерея) подлежала неукоснительному выполнению.

4. Приходские попечительства занимались больше заботой о благосостоянии и благоустройстве приходских церквей, и лишь в случае кризисных ситуаций (засухи, войны, эпидемии) начинали заниматься вплотную проблемами призрения детей-сирот и то лишь после настойчивого призыва епархиального начальства.

5. Существовавшие в Тамбовской губернии конфессии не были связаны с друг другом по поводу поддержки нуждающихся детей-сирот. Источники не сохранили сведений о благотворительных инициативах местных католической и лютеранской общины.

6. Оказываемая помощь детям-сиротам через православные храмы и монастыри была существенной, но помогала облегчить участь лишь незначительной части сирот. Большинство же детей могли рассчитывать лишь на помощь родственников или общинные традиции, обычное право или помощь «случайных» благотворителей.

¹³ Духовенство Тамбовской епархии и война // Тамбовские епархиальные ведомости. 1916. 30 янв.

¹⁴ Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 37. С. 950.

Список литературы

1. *Архипов С.В.* Благотворительность русской православной церкви во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 125-133.
2. *Анкаримова Е.Ю.* Церковно-приходская благотворительность на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008.
3. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005.
4. *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). СПб., 2006.
5. *Вадковский А.* Голос сельского священника о необходимости изыскать способы к вспомоществованию бедным и сиротам духовного происхождения // Тамбовские епархиальные ведомости. 1870. № 1. С. 17-24.
6. *М.* Училища-приюты при женских монастырях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 23.
7. *Арефьев М.А., Баев В.Г.* Милосердие и благотворительность как вероучительные принципы христианской церкви // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 4. С. 74-81.
8. *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.
9. *П-ий Н.* Монастыри Тамбовской епархии в деле служения государству за истекший год войны // Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 38.

Поступила в редакцию 10.07.2018 г.
Отрецензирована 15.08.2018 г.
Принята в печать 17.09.2018 г.
Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Кухер Катарина, доктор истории, профессор, научный сотрудник института Восточно-Европейской истории и краеведения. Университет Эберхарда и Карла, г. Тюбинген, Федеративная Республика Германия. E-mail: katharina.kucher@uni-tuebingen.de

Щербинин Павел Петрович, доктор исторических наук, зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Щербинина Юлия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры профильной довузовской подготовки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: dpir@mail.ru

Для корреспонденции: Щербинин П.П., e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Для цитирования

Кухер К., Щербинин П.П., Щербинина Ю.В. Православная церковь и призрение детей-сирот в XIX – начале XX века (на материалах Тамбовской епархии) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 176. С. 154-164. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-176-154-164.

**THE ORTHODOX CHURCH AND THE CARE OF ORPHANS
IN THE 19th – EARLY 20th CENTURY
(on the materials of the Tambov Eparchy)**

**Katharina KUCHER¹⁾, Pavel Petrovich SHCHERBININ²⁾,
Yuliya Vyacheslavovna SHCHERBININA²⁾**

¹⁾ The Eberhard-Karls University
36 Wilhelmstrasse, Tuebingen 72074, Federal Republic of Germany

E-mail: katharina.kucher@uni-tuebingen.de

²⁾ Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Abstract. The practice of social protection of orphans in the Tambov Governorate of the 19th – early 20th century through the prism of Orthodox charity and monastic charity is studied comprehensively and systematically. On the basis of a wide range of primary materials, primarily periodicals, various little-known aspects of the claimed scientific problem were studied representatively. We summarize the domestic experience of studying the system of charitable initiatives of the Orthodox clergy in provincial Russia, which had significant differences from the realities of the capital. The peculiarity of the care organizations of orphans of the spiritual estate at the regional and district level, which allows to assess the realities of social protection in the Tambov Eparchy of the chronological period, is studied. The possibilities of monastic charity and its significance in the context of charitable activities are clarified. Special consideration is given to the rules of care for orphans in monasteries in the years of peace and during the Russian-Japanese War in 1904–1905 and the First World War in 1914–1918. The main motives and incentives for charitable activities of large regional monasteries were identified, which reflected the general trends in the development of provincial society in the Russian Empire of the examined period. Conclusions are drawn about the results and experience, traditions and features of the activities of parish caregivers to support orphans at the level of the province and county, which allowed to successfully reconstruct this part of the social protection system of pre-revolutionary Russia. Attention is drawn to the importance of taking into account regional specifics and specific historical manifestations of charitable support of the Orthodox clergy, as well as the assessment of socio-cultural and ethno-religious positions of the regional society. The influence of the practice of orphans care in the monastery shelters in the period of education and training, as well as subsequent socialization is clarified. It is proved that the Orthodox clergy very rarely showed their own initiative to care for orphans in the region, but the orders of the eparchial authorities determined the ideology and practice of provincial charity through the prism of spiritual bonds and values of mercy.

Keywords: monastic orphanages; orphaned children; children care; social protection; charity organizations; regional charity; provincial society

References

1. Arkhipov S.V. Blagotvoritel'nost' russkoy pravoslavnoy tserkvi vo vremya russko-turetskoy voyny 1877–1878 gg. [Russian Orthodox church charity during the Russian-Turkish War of 1877–1878]. *Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2015, no. 3, pp. 125-133. (In Russian).
2. Apkarimova E.Y. Tserkovno-prikhodskaya blagotvoritel'nost' na Srednem Urale vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Church and parish charity in the Middle Urals in the second half of the 19th – early 20th century]. *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: Novye dokumenty i issledovaniya* [Charity in the Russian History: New Documents and Studies]. St. Petersburg, 2008. (In Russian).
3. Ulyanova G.N. *Blagotvoritel'nost' v Rossiyskoy imperii, XIX – nachalo XX veka* [Charity in the Russian Empire, the 19th – Early 20th Century]. Moscow, 2005. (In Russian).
4. Sokolov A.R. *Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII – konets XIX v.)* [Charity in Russia as a Mechanism of Society and State Cooperation (Early 18th – Late 19th Century)]. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

5. Vadkovskiy A. Golos sel'skogo svyashchennika o neobkhodimosti izyskat' sposoby k vspomoshchestvovaniyu bednym i sirotam dukhovnogo proiskhozhdeniya [The village priest's voice on necessity of searching ways to help the poor and clergy orphans]. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Journal], 1870, no. 1, pp. 17-24. (In Russian).
6. M. Uchilishcha-priyuty pri zhenskikh monastyryakh [Orphanage schools in nunneries]. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Journal], 1882, no. 23. (In Russian).
7. Arefev M.A., Baev V.G. Miloserdie i blagotvoritel'nost' kak verouchitel'nye printsipy khristianskoy tserkvi [Mercy and charity as creedal principals of Christian church]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2011, vol. 2, no. 4, pp. 74-81. (In Russian).
8. Shcherbinin P.P. *Voennyi faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.* [The Military Factor in Everyday Life of the Russian Woman in the 18th – Early 20th Century]. Tambov, 2004. (In Russian).
9. P-iy N. Monastyri Tambovskoy eparkhii v dele sluzheniya gosudarstvu za istekshiy god voyny [Monasteries of the Tambov Eparchy at the state service for the last year of the war]. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* [Tambov Eparchial Journal], 1915, no. 38. (In Russian).

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared with the financial support of Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG-Geschäftszeichen KU 1348/2-1) grant (Internationale Kooperationsanbahnung).

Received 10 July 2018

Reviewed 15 August 2018

Accepted for press 17 September 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Kucher Katharina, Doctor of History, Professor, Researcher at the Institute of East European History and Local Lore. The Eberhard-Karls University, Tuebingen, Federal Republic of Germany. E-mail: katharina.kucher@uni-tuebingen.de

Shcherbinin Pavel Petrovich, Doctor of History, Professor, Head of UNESCO of Human Rights and Democracy Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Shcherbinina Yuliya Vyacheslavovna, Candidate of History, Associate Professor of the Pre-University Training Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: dpip@mail.ru

For correspondence: Shcherbinin P.P., e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

For citation

Kucher K., Shcherbinin P.P., Shcherbinina Y.V. Pravoslavnaya tserkov' i prizreniye detey-sirot v XIX – nachale XX veka (na materialakh Tambovskoy eparkhii) [The Orthodox church and the care of orphans in the 19th – early 20th century (on the materials of the Tambov Eparchy)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 176, pp. 154-164. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-176-154-164. (In Russian, Abstr. in Engl.).